

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени доктора
филологических наук Кошечко Анастасии Николаевны
«Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского»
10.01.01 – русская литература

Контактные данные: Шатин Юрий Васильевич, доктор филологических наук (специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология), федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новосибирский государственный педагогический университет», кафедра русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, профессор; г. Новосибирск, 630126, ул. Виллойская, 28, корп. 3; +7(3832)440630; shatin08@rambler.ru.

В своем знаменитом исследовании «Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники» Д. С. Мережковский выделил три основных тематизма: жизнь, творчество, религия. Докторская диссертация А. Н. Кошечко, посвященная изучению форм экзистенциального сознания Достоевского, также включает три важнейших компонента: сознание, судьбу, слово. Подобный композиционный прием удачно цементирует диссертационную работу, придавая ей исключительную стройность и логическую безупречность. Вместе с тем благодаря такому приёму создаются основные предпосылки для глубокого исследования важнейшей черты творчества Достоевского.

Несмотря на то, что о связи Достоевского с экзистенциализмом написано множество работ, хотя сам термин не был известен русскому писателю, дискуссионность данной проблемы вполне очевидна. В этом контексте представляется важным сформулировать собственный оригинальный подход к теме, во многом полемичный к уже сложившейся традиции. Согласно концепции А. Н. Кошечко следует говорить о двух противоположных формах сознания – экзистенциальном и экзистенциалистском, причём само понятие «экзистенциалистское сознание» употребляется в двух смыслах: во-первых, как определенный этап историко-философского осмысления проблем человеческого существования, представленный в работах французских писателей и мыслителей – Ж. П. Сартра, А. Камю и других; а во-вторых, как манифестация индивидуалистического типа сознания, присущего мыслителям различных эпох. С этой точки зрения диссертант вполне справедливо относит к экзистенциалистскому типу сознания личность и творчество К. Леонтьева (С. 61).

Дифференцируя два основных понятия, автор понимает экзистенциальное сознание Достоевского как «художественно-философский феномен, существующий одновременно в двух ипостасях: как индивидуальный поведенческий текст писателя (повседневное-экзистенциальное сознание) и как тип художественного мышления» (С. 26). Подобная исходная посылка удачно реализуется в трёх главах работы, обуславливает её теоретическую значимость и научную новизну. Обратившись к введению работы, нельзя не отметить представленную здесь

«уникальную стратегию диалогического взаимодействия исследователя с творческим универсумом Достоевского: от психофизиологических особенностей и жизненных впечатлений как основы формирования экзистенциального миообраза в сознании писателя – к миромоделируемым началам собственно творчества, к исследованию экзистенциальных доминант в эстетике писателя и формам их воплощения в художественной практике (С.23). Именно точная исследовательская стратегия диссертанта во многом позволяет определить работу как крупное научное достижение, имеющее важное значение для современной филологической науки.

Первая глава диссертации, посвящена, как уже было сказано, изучению экзистенциального сознания писателя, понимает сам анализируемый объект как «метакатегорию, реализующую себя в различных формах художественного письма» (С.43). Такое понимание, с одной стороны, спасает исследователя от наивной онтологизации объекта, т. е. от приписывания ему свойств и признаков, присущих исследовательской стратегии, а с другой, от поверхностного эмпиризма, предполагающего простое удвоение наблюдаемых свойств описываемых объектов. Важным в данной ситуации становится выявление атрибутивных характеристик экзистенциального сознания писателя, таких как пограничность, уединенность, апостазийность, текущая процессуальность, ценностно-ориентированный тип сознания и, наконец, текстоцентричность (С.45).

Подробный анализ каждого из этих атрибутов отчётливо свидетельствует о профессионализме автора работы. Благодаря такому анализу вскрывается механизм перехода из сферы сознания в сферу поэтики художественного творчества Достоевского. Особенно интересно в данном случае указание на связь текущей процессуальности с особенностями художественного времени в произведениях романиста, категориальными приметам которого становится установка «на «здесь» и «сейчас» в использовании настоящего времени, предельная концентрация событий в ограниченном временном отрезке, использование форм субъективного переживания времени героями» (С.74).

Касаясь текстоцентричности у Достоевского, А. Н. Кошечко справедливо говорит об ориентации писателя на универсальность текстопорождения в противоположность рефлексивности (С.88). Здесь особенно заметно отличие Достоевского от его гениального брата по перу Л. Толстого. Если Толстой приходит к универсализму в процессе рефлексии, то Достоевский отказывается от рефлексии над природой «естественного» человека, осмысляя его личность как онтологическую единицу бытия. Именно в этой точке, как нам кажется, ясновидение духа у Достоевского вступает в противоречие с ясновидением плоти у Толстого.

Переходя к анализу ценности как системообразующей категории экзистенциального сознания Достоевского, исследователь обоснованно говорит о проективности аксиологии писателя, которая «предлагает алгоритм

действия по освоению ценности, и, соответственно, новому выстраиванию своей судьбы»(С.94).В рамках такого освоения высвечиваются важные черты мировоззрения и художественного мышления романиста, включая его полемику с атеизмом, не как с доктриной безбожия, но скорее как с особым типом духовности, основанной на позитивистской теории разумного эгоизма абсолютно неприемлемой для Достоевского. Подчёркивая неразрывность этического и эстетического начал в сознании романиста, А. Н. Кошечко делает акцент на амбивалентности понятия красоты как калокагатии, благолепия, «идеала Мадонны», с одной стороны, и калогедии, прелести, «идеала содомского», с другой (С.118).

Важной составляющей частью первой главы диссертации становится рассмотрение экзистенциальной концептосферы Достоевского и её аксиологического аспекта, Выделенные автором работы концепты: Бог, Народ, Семья, Человек, Сердце, Другой – исчерпывающе описывают миромоделирующие основания творчества Достоевского. Особенно важным в этой связи представляется вывод А. Н. Кошечко о Достоевском как «основателе экзистенциальной антропологии, главной особенностью которой является полемика с просветительскими, гуманистическими теориями человека» (С.164). Высоким филологическим профессионализмом отмечен анализ спектра основных смыслов концепта «Сердце» в творчестве писателя (С. 178 -180)».

Заканчивая рассуждения о выявленном у писателя алгоритме действия, диссертант делает закономерный вывод, согласно которому «в текстах Достоевского функционирует закон сохранения ценностей: вслед за эпохой писатель запускает механизм переоценки, подвергает традиционные тексты новому осмыслению, часто выстраивая логику рассуждения «от противного» от полюса Абсурда, чтобы раскрыть созидательность ценностного содержания» (С. 196).

Новым ракурсом раскрываемой в диссертации проблемы становится вторая глава, посвящённая экзистенциальной судьбе Достоевского и способам её отражения в слове. Следует отметить новаторские черты, которые А. Н. Кошечко вносит в интерпретацию исходной источниковедческой базы. Обратившись к эго-документам, исследователь сосредотачивается не столько на конечных выводах, которые заявляет писатель, сколько на сам процесс переживания ситуации в моменте скрипции. Отсюда - то постоянное напряжение, которое существует между конечной симультанностью эго-документа и незавершённой полифонии, которую легко обнаружить в художественной ипостаси экзистенциального сознания творца (С.203). Разделив эго-тексты согласно периодам биографии Достоевского: детство, подростковый возраст, каторга, развитие болезни – исследователь подчёркивает условность таких границ, поскольку каждый из этапов сохранял и развивал заданную исходную телеологию, обусловившую неповторимость таланта писателя. В таком контексте особенно сложным

оказывается вопрос о роли болезни в формировании экзистенциального сознания и в судьбе Достоевского. И здесь, как представляется, намечен верный и тактичный и вместе с тем научно обоснованный подход, который позволяет разграничить универсальное и уникальное в авторском мирообразе, вызывающем к необходимости закрепления болезненного состояния в слове (С.262).

Обращаясь к периоду участия Достоевского в кружке петрашевцев, А. Н. Кошечко также делает целый ряд интересных наблюдений, к их числу следует отнести рассмотрение образа Спешнева, одного из возможных прототипов Ставрогина в «Бесах», а также скрупулёзное описание «каторжного» текста писателя, в котором выявлено неизбежное столкновение двух сословий – дворян и представителей простого народа, оказавшихся в одной и той же неординарной ситуации, выводит, по мнению диссертанта, Достоевского на новый уровень существования (С.287).

Заключительный раздел второй главы посвящён отношениям Достоевского и Н. Н. Страхова. Этим отношениям, как известно, посвящён обширный круг литературы, связанный главным образом с печально знаменитым письмом Страхова к Л. Толстому. А. Н. Кошечко обнаруживает здесь оригинальный аспект рассмотрения, трактуя эти отношения скорее не как столкновение различных нравственных позиции, сколько как опыт экзистенциальной коммуникации. По мысли диссертанта, здесь столкнулись два противоположных модуса осмысления действительности и способа существования в ней двух персон. В данной ситуации «активная позиция Достоевского противостоит пассивной позиции Страхова, который не только не испытывал интереса к литературной полемике, но и не способен, с точки зрения Достоевского, на какую-либо самостоятельную позицию» (С.321). Отсюда и противоположность коммуникативных результатов этих отношений. «Если Достоевский говорит от имени своего Я, даёт видение изнутри, закрепляя уникальность своей экзистенции в слове, то Страхов занимает внешнюю, оценивающую, интерпретирующую, а потому искажённую его субъективным видением внутреннего мира Другого, позицию» (С.331).

Особенно интересной и значимой в контексте всего исследования нам представляется третья глава, посвящённая экзистенциальному слову Достоевского. Несомненным достоинством основных разделов этой главы является обширный массив текстов, включённых диссертантом в процесс изучения. Так, пожалуй, впервые в нашем литературоведении автор работы глубоко рассматривает эго-тексты Достоевского, не предназначенные для печати. Скрытые от глаз современников, они проникают в самые основы экзистенциального сознания писателя. Важным тезисом, убедительно развёрнутым А. Н. Кошечко, становится понимание «Записных тетрадей» Достоевского как гипертекста. Такой «гипертекст письменных книг Достоевского порождает ассоциации со свободой выражения мысли, но при

этом сохраняет основные элементы книжной культуры, сохраняет слово как инструмент и ресурс воплощения ментального содержания» (С.347). В такой прозе, имеющей нелинейный характер, ориентированный не на синтагматику, а на парадигматику, и происходит становление творческого метода романиста.

Отталкиваясь от созданной модели художественного метода, А. Н. Кошечко справедливо говорит о его синтетическом характере, соединившем достижения традиций сентиментализма, романтизма и натуральной школы. Глубоко освоив классические работы В. В. Виноградова, Э. М. Жиляковой, А. С. Янушкевича, диссертант вместе с тем демонстрирует оригинальный подход к заявленной проблеме, обнаруживая спектр экзистенциальных тем, которые возникают на пересечении художественных кодов, разработанных предшествующей литературной традицией. Проблема красоты, мотив обретения души, особый статус слова, проблема человека – формируют указанное смысловое поле Достоевского, убедительно выявленное в анализе данного раздела.

Достаточно интересным, хотя и не исчерпывающе полным, представлен в работе сравнительный анализ «Преступления и наказания» и «Постороннего» А. Камю. Этот анализ придаёт заявленному тезису о различии экзистенциального и экзистенциалистского дополнительную доказательную силу. Касаясь виктимологического дискурса в «Дневнике писателя», автор диссертации подробно рассматривает экзистенциальную составляющую оппозиции преступник \ жертва у Достоевского. Оригинальная типология жертв в «Дневнике писателя», выявленная исследователем и хорошо аргументированная, вызывает полное согласие.

По мере движения к финалу третьей главы А. Н. Кошечко приходит к обоснованному выводу, согласно которому «слово у Достоевского предстаёт как способ противостояния абсурду, как способ преодоления трагизма человеческого существования, потому что его нельзя уничтожить, оно вечно, как и всякая ценность» (С.402-403). Именно через слово в экзистенциальном тексте выявляется основная семантическая единица дискурса – рефлексема, которая обнаруживает себя как в деонтологических, так и в аксиологических парадигмах художественного мышления писателя. В это же самое время рефлексема определяет форму межтекстового взаимодействия в произведениях Достоевского и включает в себя приёмы цитации, аллюзивности, а также комбинацию этих приёмов.

В заключение диссертации автор подводит итоги исследования, заявляет перспективы дальнейшего изучения, связанные, в частности, с логикой отношения Достоевского и власти, дискурсное оформление которых отражала смену статуса политического преступника в конце 1840-х гг. на статус опекуна этой властной системы в поздний период жизни и творчества. Таким образом, внимательное рассмотрение диссертационного труда А. Н.

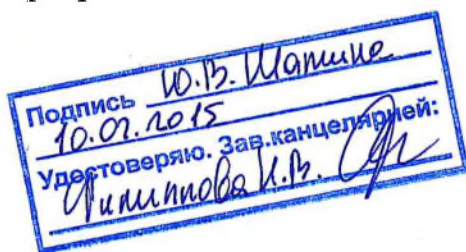
Кошечко позволяет оценить его как весьма оригинальное и глубокое исследование.

Наши замечания носят сугубо локальный характер и не влияют на высказанную оценку. Одна из претензий связана с неравномерным, на наш взгляд, распределением материала. При достаточно большом объёме работы -480с. Некоторые разделы представляются избыточными в своей детализации. Так, анализ писем Достоевского – подростка к отцу и матери выглядит достаточно длинным. Самих фактов, приведённых в диссертации, вполне хватило бы для демонстрации концепции. Для опровержения же основных тезисов работы З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство» их всё равно мало, да и в задачу работы такое опровержение явно не входило. В то же время, когда речь идёт об особом статусе слова у Достоевского, аккумулирующем различные коды (С.359 и далее), хотелось бы видеть более развёрнутую аргументацию и большее число примеров. При всей полноте библиографии нам не хватило упоминания романа – исследования Б. И. Бурсова о Достоевском. Даже с учётом всех недочётов этой книги именно она впервые в советском литературоведении поставила проблемы, схожие с работой А. Н. Кошечко.

Повторюсь, что наши замечания не могут существенно повлиять на самую высокую оценку работы. Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в полной мере содержащую решение проблемы форм экзистенциального сознания в творчестве Достоевского, имеющей значение как для развития теоретической мысли, так и для современного достоевковедения. Представленная работа соответствует требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении учёных степеней». Автор диссертации, Кошечко Анастасия Николаевна, безусловно, заслуживает присуждения искомой учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Ю.В. Шатин,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
теории литературы и методики обучения литературе
ФГБОУ ВПО
«Новосибирский государственный педагогический
университет»

5 февраля 2015

2

